
ДОМ ДРУЖБЫ НАРОДОВ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ: ОТ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ К ГЛОБАЛИЗАЦИОННОЙ?

Л.В. Сагитова

В статье рассматриваются результаты кейс-стади Дома дружбы народов, его трансформации от советского учреждения в институт глобализационного типа, отличающегося гибридной формой деятельности в контексте трансформирующегося общества. Осуществляется анализ социальной политики, осуществляемой Домом в поле взаимодействия мигрантов с Министерством внутренних дел и Федеральной миграционной службой. Обсуждаются стратегии использования государственных, сетевых ресурсов, и возможностей общественных организаций для социальной интеграции мигрантов.

Ключевые слова: миграция, НКО, Татарстан, социальная интеграция, этнические меньшинства

Статья написана по материалам полевого исследования, проведенного в Казани и Санкт-Петербурге (2006–2009) ¹. Предложение написать статью для журнала стало стимулом к переосмыслению собранного материала в контексте трансформации социальных институтов и их общественных функций. В результате был проведен вторичный анализ полученных результатов и интерпретация данных в новом ключе.

Целью исследования является трансформация советского института интернационализма – Дома дружбы народов (ДДН) в Республике Татарстан в институцию нового типа. Если в поздний советский период эта

---

¹ «Милиционеры и этнические меньшинства: практики взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге» Партнерский проект АНО «Институт социальных исследований и гражданских инициатив» (Казань) с Центром независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Версия статьи частично опубликована в книге, которая готовится к публикации по результатам проекта [Милиционеры... 2011].

организация выполняла преимущественно представительские функции, то в постсоветское время работающим под его крышей национально-культурным автономиям приходится брать на себя множество социальных функций по адаптации мигрантов. Анализ показывает системные противоречия в поле социальной политики, складывающиеся под воздействием сложной социальной конъюнктуры. С одной стороны, государство декларирует неизбежность и необходимость миграционной составляющей в социально-экономическом развитии российского общества. С другой стороны, его практические действия в сфере миграционной политики сводятся преимущественно к функциям контроля и санкций, ограничивая взаимодействие принимающего сообщества и мигрантов контактами с правоохранительными ведомствами. Это свидетельствует о том, что мигранты рассматриваются государством в качестве опасности – с ними связывают преступность, болезни, конкуренцию на рынке труда. Важно помнить и то, что проблемы мигрантов: жилье, образование, сферы занятости, социальные гарантии – состоят в тесной взаимосвязи с возможностями социальной интеграции, которая оказывается затруднена. Ее ограничивает статус социальных аутсайдеров и двусмысленность положения мигрантов.

Недостаточная разработанность механизмов социальной и правовой защиты мигрантов со стороны государства приводит к тому, что в решение проблем включаются институты этнических общин. И здесь, как оказалось, хорошо проявила себя инерция советского прошлого. Дискурс интернационализма и сложившиеся практики представительства этнических групп в инокультурном контексте стали удобной рамкой, в которую встраиваются новые практики. Институт характеризуется гибридностью в силу того, что в ней сочетаются паттерны советской системы и новые элементы, формируемые условиями рыночной экономики, процессами миграции и влиянием глобализированных институтов. Двойственность статуса мигрантов и их социальная уязвимость стимулируют использование всех возможных каналов (легальных и нелегальных, публичных и частных) для решения жизненно важных проблем.

Теоретические подходы к анализу

Мы полагаем, что для анализа обсуждаемой ситуации полезны идеи конструктивистов [Бергер, Лукман, 1995], поскольку они позволяют рассмотреть то, каким образом усилиями социальных субъектов (государства и социальных (этнических) групп) конструируется социальная реальность, приобретающая, со временем, свойства незыблемости. В качестве инструмента конструирования выступают дискурсы, формируемые субъектами социального взаимодействия. Идеи М. Фуко [Foucault, 1972]

и его последователей Э. Лакло и Ш. Муфф [Laclau, Mouffe, 1985] помогают рассмотреть процесс наполнения деятельности институтов и групп смыслами, которые встраивают их деятельность в доминирующий дискурсивный концепт развития общества.

Акцент Фуко на процессуальности дискурсов, их встроенности в определенную историческую эпоху является для моего анализа ключевым, он содержится в самом определении дискурса у Фуко:

Мы будем называть дискурсом группу высказываний постольку, поскольку они относятся к одной и той же дискурсивной формации [... Дискурс] строится на основе ограниченного количества утверждений по отношению к которым можно определить группу условий их существования. В этом смысле дискурс – не идеальная, безвременная форма <...> – это фрагмент истории <...> который накладывает свое деление на части, свои трансформации, специфические способы темпоральности» [Цит. по: Йоргенсен, Филлипс, 2008. С. 36].

Такой подход заостряет внимание на обусловленности дискурсов, продуцируемых институтами и группами, социальным контекстом определенного исторического периода в жизни общества. Лакло и Муфф вводят в свою концепцию политику и политические процессы, они, по их мнению, имеют приоритет, поскольку: «политические артикуляции определяют, как мы действуем и думаем, и таким образом, создаем общество» [Йоргенсен, Филлипс, 2008. С. 69]. Однако эти авторы не исключают роли экономики и, в целом, материального. Они утверждают, что социальные и физические объекты существуют, но доступ к ним всегда опосредован системой значений в структуре дискурса. Именно с его помощью люди приписывают значения физическим объектам, не обладающим значениями сами по себе [Там же, С. 71].

Дискурс трактуется Лакло и Муфф как совокупность фиксированных значений в пределах специфической области [Там же, С. 56]. Такой специфической областью в нашем случае выступает национальная политика государства, которая реализуется в рамках определенного смыслового поля с фиксированными ключевыми понятиями и смыслами. Субъектами дискурса выступают государство и этнические группы в лице социальных акторов, действующих от их имени. Его центральной категорией выступает этничность. С распадом СССР, дискурс становится достаточно рыхлым и несистемным. Более того, меняется статус основных субъектов советской национальной политики: народы союзных республик из категории культурные «Свои» перешли в категорию культурные «Чужие». Описанная смена контекста и официального дискурса повлияла как на трансформацию самого института Дома дружбы народов, так и на направления и мотивацию его деятельности.

Подходы, сформулированные П. Бурдые [Бурдые, 2002], помогают выявить мотивационную сторону взаимодействия включенных в этот

процесс субъектов. Каждый из них (государство, лидеры этнических меньшинств, неправительственных организаций) располагает определенными ресурсами (административные, экономические, формальное и неформальное лидерство, сетевые коммуникации). В процессе их взаимодействия создаются механизмы приобретения и использования различных форм капитала: культурного, социального, экономического, символического. Прагматизм деятельности и целевые установки, сформированные участвующими социальными институтами, определяют систему конвертации форм капиталов друг в друга [Бурдые, 2002; Радаев, 2002].

Для исследуемой институции, в силу ее «общественного» характера и роли посредника между государством и этническими группами, важна категория социального капитала, поскольку успех ее деятельности напрямую зависит от глубины и развитости реальных или потенциальных ресурсов ее акторов. Причем, их ресурсы и сети должны быть представлены двумя направлениями: по отношению к властным структурам, с одной стороны, и, с другой – с самим этническим сообществом. Значимость этого сетевого ресурса для лидеров Дома дружбы является первостепенной, она представляет предмет и основу функционирования организации как социального актора. Поэтому ценность для анализа объекта исследования представляет и фокус Дж. Коулмана [Coleman, 1988], сделавшего акцент на важности человеческих отношений в формировании социального капитала. Коулман трактует социальный капитал как

потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целенаправленно формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, которые зависят от того, насколько заслуживает доверия социальное окружение актора, информационные каналы и их пропускные способности, социальные нормы, не сопровождаемые санкциями [Цит. по: Корнеева, 2005. С. 166].

И еще один важный аспект анализа связан с процессом глобализации. Что происходит с ценностями, нормами, культурами, традициями и поддерживающими их институтами? Пытаясь ответить на этот вопрос, А.Б. Гофман предпринял плодотворный анализ традиции и инновации в контексте их диалектического взаимодействия [Гофман, 2008]. По его мнению, успех анализа социокультурных процессов во многом зависит от умения учитывать всю сложность и многозначность традиционных аспектов культуры и социального поведения. Важной стороной анализа становится исследование различных видов традиций и традиционности, их смыслов, значений и функций в определенных социокультурных комплексах и ситуациях. Призыв А.Б. Гофмана исследовать взаимодействие традиций с другими социокультурными явлениями: инновациями, диффузией, заимствованиями, различными проявлениями глобализации и информатизации – еще раз акцентирует невозможность

сегодня говорить о традиции как о статичном и неподвижном феномене [Гофман, 2008. С. 20].

Модель Дома дружбы народов советского периода можно интерпретировать как традицию, включающую в себя профессиональный дискурс, формы деятельности, бюрократический регламент взаимодействия с властными структурами, этническими группами и сообществом в целом. Инновации – новые дискурсы и практики – стимулируются трансформирующимся социальным контекстом.

Что касается трансформации культуры и обслуживающих ее институтов, то здесь плодотворную перспективу задает работа Я.М. Ковача [Ковач, 2004], исследовавшего процесс культурной глобализации в постсоветской Венгрии. Автор рассматривает влияние внешних и внутренних факторов на конструирование социальной реальности в своей стране, среди них: импорт западной и восточной культур, либерализация социального и экономического пространства, инерция советской глобализации, проявляющаяся как в материальном измерении, так и в габитусе социальных институтов, групп и личностей [Ковач, 2004. С. 166]. Несмотря на то, что главным объектом исследования автора является контекст проникновения и адаптации культурных заимствований и их режимы сосуществования с местными элементами культуры, для настоящей работы важен выявленный исследователем феномен гибридности [Ковач, 2004. С. 183–184], сосуществования разнородных элементов культуры.

Наше исследование осуществлялось качественными методами, среди которых: включенное наблюдение, глубинные полуструктурированные интервью с мигрантами, биографические и экспертные интервью с лидерами и активистами национально-культурных автономий, входящих в Ассамблею народов Республики Татарстан, размещающуюся в Доме дружбы народов.

Дом дружбы народов как институт идеологии интернационализма: ограничения современного контекста

Декларируемые большевиками демократические ценности: Свобода, Равенство, Братство не могли не затронуть и сферу этничности. Дискурс равноправия всех народов, населяющих СССР, имел идеологическое обоснование и подкреплялся институционально: для каждого из народов была создана своя «национальная квартира» – союзная, или автономная, республика с коренным и некоренным населением, поощрялось развитие на государственном уровне национальных культур и элит. Указание национальности в пятой графе паспорта отождествляла национальность с этничностью, а последнюю возводила в ранг естественных атрибутов человека. Наряду с этим поощрялись различные формы обще-

ственной инициативы по созданию землячеств тех этнических групп, что проживали за пределами своих республик. Землячества, создаваемые на базе культурно-просветительных или образовательных учреждений, имели своей целью поддержание родной культуры и языка, а также представительство национальности в местном сообществе.

В Республике Татарстан Дом дружбы народов Татарстана был структурным подразделением Национального культурного центра «Казань»¹. В 1992 году, на волне демократизации, на учредительной конференции была создана Ассоциация национально-культурных обществ Республики Татарстан (АНКО РТ)². Ассоциация объединяет 35 этнических общин³, представители которых проживают на территории республики. В 1999 году правительство республики выделило отдельное здание в центре Казани для Дома дружбы. Ассоциация и Дом дружбы продолжительное время вели работу по приданию ДДН республиканского статуса и в 2005 году, по Указу Президента Республики Татарстан, Постановлением Кабинета министров РТ это учреждение получило статус государственного учреждения. Учредителем его выступает Кабинет министров Республики Татарстан, прямое подчинение – Министерству культуры РТ.

История создания Дома дружбы и самой Ассоциации национально-культурных обществ свидетельствует о действенности инерции советской идеологии интернационализма в период девальвации коммунистических ценностей. Важно отметить то, что в изменившемся контексте иначе интерпретируется культурный «Другой» – теперь он «иностранец», гражданин экономически неблагополучных стран СНГ. Прежде жители союзных республик Средней Азии и Кавказа воспринимались в массовом сознании через образы преимущественно милых, наивных, смешных персонажей советского кинематографа и были «своими», мало выделялись в общем пространстве не только в силу малочисленности, но и в результате действия доминирующего идеологического дискурса. Сегодня миграционные потоки, несущие в большей мере неквалифицированную рабочую силу, воспринимаются как «чужаки», «гости с юга» с отрицательной

¹ Национально-культурный Центр «Казань» имеет статус государственного культурно-просветительного учреждения. С 1981 по 1991 являлся филиалом Центрального музея В. И. Ленина в городе Казани.

² С 2009 года АНКО РТ переименована в «Ассамблею народов Республики Татарстан». Поскольку исследование осуществлялось до переименования, мы используем в тексте старое название – «АНКО РТ».

³ В начале деятельности ДДН и АНКО РТ представляли девять этнических общин. Количество зарегистрированных общин и национально-культурных организаций не совпадает: последних значительно больше. Если же говорить в целом о республике, то в Татарстане зарегистрирована 81 национально-культурная общественная организация, около 70 участвуют в деятельности Ассамблеи народов Татарстана [Ассамблея...].

коннотацией, порождая массовую ксенофобию. Дело не только в сменившемся ориентире массовом сознании, но и в законодательных актах об «иностранцах», определяющих регламент и охранительно-карательный характер деятельности государственных и силовых структур.

Именно смена социального контекста заставляет трансформироваться институт Дома дружбы, который ищет ответы на вызовы времени. Эта институция демонстрирует пример гибкости и быстроты в реакции на меняющуюся социальную конъюнктуру. Речь идет о включении ДДН в решение проблем мигрантов, в то время как деятельность государственных структур в этой сфере пока малоэффективна. Эта структура, выполняя роль посредника между государственными учреждениями и мигрантами, самостоятельно включается в решение проблем, лежащих в сфере социальной политики. Примечательно, что при этом его акторам приходится сочетать идеологически противоречащие друг другу дискурсы и практики, как официальные, так и теневые. Все это сообщает ему черты гибридности, что в свою очередь, является приметой глобализационных процессов.

Одним из аспектов деятельности Ассоциации и Дома дружбы является роль посредника между сообществом мигрантов и силовыми структурами, такими, как МВД и ФМС. Именно здесь больше всего проблем, противоречий и столкновения противоречивых смыслов. С одной стороны, это дискурс дружбы народов, утверждающий бережное отношение ко всем этническим культурам и их носителям на территории республики, с другой – новая российская миграционная политика с дискурсом жесткого контроля и санкций против приезжающих «чужаков».

Исследуя взаимодействие милиции и мигрантов и деятельность АНКО РТ в этой сфере, мы не стремились охватить все этнические группы, но ограничились двумя общинами – узбекской и азербайджанской. Данное обстоятельство объясняется несколькими причинами. Первая связана с тем, что эти общины наиболее многочисленные в республике и, следовательно, могут претендовать на представительство. Кроме того, обе имеют различающиеся истории адаптации к местному контексту. Кроме того, отдельное исследование узбеков-гастарбайтеров, параллельно проведенное автором¹, дало возможность использовать дополнительные данные для анализа.

В ходе исследования выяснилось, что картина отношений мигрантов с милицией в Казани сложна и многоаспектна, различные факторы оказывают влияние на этот процесс. Мы выделяем пять таких факторов: это местная традиция выстраивания межкультурных отношений, в рам-

¹ Исследовательский проект «Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей», реализованный ЦНСИ в Санкт-Петербурге, в Татарстане – ИСИГИ в 2007 году.

как сложившейся практики управления, характерной для политической элиты Татарстана; инерция советского партийного «габитуса»; деятельность культурных институтов (ДДН, АНКО); миграционные истории и условия адаптации каждой из этнических групп; различные уровни институционального взаимодействия мигрантов с принимающим обществом; внутригрупповая дифференциация приезжающих на заработки мигрантов.

Миграция и региональный контекст

Значительный приток мигрантов в Республику Татарстан объясняется миграционной привлекательностью региона. Все без исключения респонденты чаще всего указывали в качестве доминирующего мотива выбора места работы то обстоятельство, что Татарстан – мусульманский регион. Судя по нарративам опрошенных нами мигрантов-гастарбайтеров, их представления об общих с татарами мусульманских нормах и ценностях, об общем тюркском происхождении стимулируют их ожидание лояльности и солидарности со стороны местных жителей. Другая важная черта для приезжающих гастарбайтеров-мусульман – наличие мечетей: почти все опрошенные мигранты ходят в мечеть.

Индикатором отношения местного населения к мигрантам могут служить данные республиканского массового опроса, свидетельствующие о том, что лишь 1/10 опрошенных выразила отрицательное отношение к мигрантам, в то время как 39 % опрошенных относятся положительно и почти половина – нейтрально¹ (рис. 1).

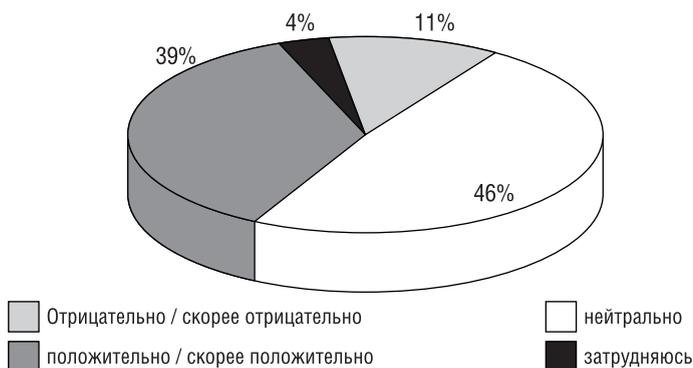

Рис. 1. Как Вы относитесь к людям, приезжающим в республику из стран бывшего СССР и дальнего зарубежья? (укрупненные категории, N=1090)

¹ Республиканское социологическое исследование «Изучение межэтнических отношений в Республике Татарстан, проведенное ЦАИР и ЦЭСИ ИИ АН РТ (Казань) в 2007 году, республиканская выборка, количество опрошенных 1090 респондентов.

В формировании толерантности важную роль играет культурная политика республиканской политической элиты, поддерживающей имидж региона как «перекрестка исламской и христианской цивилизаций», оплота «мирного сосуществования двух культур и религий». С одной стороны, это продолжение советской политики интернационализма в новой социально-политической конъюнктуре. С другой стороны, это удачный ответ на вызовы современности, когда властная элита использует имеющиеся ресурсы («мирный ислам», «межэтническое согласие») для утверждения «особого» имиджа региона в рамках Российской Федерации и теперь уже на международном уровне¹. Особое внимание политической элиты к этничности связано и с тем, что именно этнический ресурс стал решающим для местной элиты в процессе перераспределения властных полномочий в рамках РФ в начале 1990-х годов. Наиболее зримой иллюстрацией культурной политики является деятельность Дома дружбы народов и АНКО РТ. Кроме того, власти поддерживают инициативы третьего сектора в рамках проводимой политики. Например, общественно-благотворительная организация «Центр толерантности “Поволжский мир”»² разработала программу этноконфессиональной и социокультурной адаптации мигрантов «Культура доверия», направленную на работу с мигрантами из Азербайджана и стран Средней Азии, которая действует в республике с 2007 года [Роскин, 2007].

Мигранты, ДДН и силовые структуры: контекст взаимодействия

Объем миграционных потоков порождает проблемы для региональной бюрократии, которой важно управлять ситуацией в республике. Передача контроля над миграцией в ведение Министерства внутренних дел объясняется чиновниками именно с этих позиций. Именно это, на наш взгляд, стимулирует Управление федеральной миграционной службой по Республике Татарстан поддерживать связи с лидерами этнических общин. Взаимодействие осуществляется на институциональном уровне. Первое соглашение между Ассоциацией национально-культурных обществ и административными институтами республики, регули-

¹ Одной из целей визита Госсекретаря США Хилари Клинтон в 2010 года было знакомство с опытом Татарстана как региона межэтнического и межконфессионального мира.

² Организация работает в Татарстане с 2002 года. Центр толерантности «Поволжский мир» занимается образовательными и культурными программами, которые направлены на пресечение, профилактику религиозного и национального экстремизма, формирование толерантного сознания нашего населения, прежде всего это касается молодежи. Одно из направлений деятельности – работа с правоохранительными органами.

рующее эти отношения, было заключено в 2000 году, затем – в 2006, и в июне 2009 года – в новых редакциях.

Самой болезненной проблемой для мигрантов является регистрация и соблюдение регламента пребывания на территории России. Как показали материалы исследования, реформированная практика регистрации мигрантов весьма противоречива. В решение проблем регистрации мигрантов включена Ассоциация национально-культурных обществ, инициировавшая создание Центра социальной и правовой помощи иностранным гражданам, а также комплексной Программы в помощь мигрантам.

С принятием нового закона о порядке трудовой миграции были введены квоты на приезжающих мигрантов-рабочих по регионам, призванные регулировать миграционные потоки. Несмотря на достаточное количество квот, многие мигранты предпочитают серый рынок труда и нанимаются к частникам без разрешения на работу. АНКО РТ просит лидеров общин проводить профилактическую работу среди приезжающих в целях соблюдения налогового законодательства.

В рамках реализации последнего Соглашения Ассамблеи народов Татарстана (2009) было создано Республиканское Агентство занятости и правовой помощи иммигрантам, в функции которого входит работа с иностранными гражданами¹. Поскольку выходцы из республик СНГ, проживающие и работающие в Татарстане, часто сталкиваются с трудностями во взаимоотношениях с правоохранительными органами, руководители азербайджанского и армянского обществ предложили в 1998 году создать консультативный совет из представителей Министерства внутренних дел и АНКО РТ. Вот что сказал в связи с этим председатель Ассоциации:

... проблемы, они много лет тому назад возникали... <...> нужно, чтобы МВД находило поддержку у нас, от лидеров и так далее, в данном случае, именно через общины воздействие на вот этот поток мигрантов.. И как говорит министр (министр МВД. – Л. С.): Вот к нему в погонах он не пойдет, а вот к тебе, к своему земляку он пойдет. Вот исходная посылка, то есть нас никто не заменит. <...> Вот эти вот три стороны: мигранты, общины, силовые структуры вот они вот должны тесно взаимодействовать и работать (Интервью 1, апрель 2007).

Наряду с этим, лидеры общин, входящие в Ассамблею народов РТ, проявляют инициативу на своем уровне. Как показало наше исследование, установление связей с МВД РТ со стороны Национально-культурной автономии (НКА) узбеков было во многом вызвано случаями исчез-

¹ Организация осуществляет работу по разъяснению действующего миграционного законодательства Российской Федерации; по содействию иностранным гражданам в трудоустройстве с учетом их профессии и квалификации, а также во временном жилищном обустройстве на территории РТ.

новений людей, приезжающих на заработки и принуждений приезжих мигрантов к рабскому труду. Было очевидно, что решение таких проблем невозможно без участия милиции. По словам лидеров общин, они поддерживают тесные связи с МВД республики на взаимовыгодных условиях.

Стремление снизить риски для приезжающих мигрантов, а также контролировать ситуацию в этнической общине стимулировали лидеров НКА узбеков заняться организацией набора рабочей силы из Узбекистана: Если все хорошо (имеется в виду договоренность с работодателями. – Л. С.), то кто-то из моих заместителей едет в Узбекистан и там набирает рабочих нужных специальностей. В разных регионах, потому что везде есть своя специализация. По строительству – в Ташкенте; если нужны по услугам, то едут в Фергану, там хорошие ткачи, специалисты по общепиту. В Бухаре ковры умеют хорошо ткать. Вот «Татшерсть» просила нас привезти им специалистов. Мы приехали к ним, посмотрели – а они на стадии банкротства. Не стали им нанимать рабочих (Интервью, 2, апрель 2007).

Наряду с этим действие этого механизма воспроизводится через родственные и соседские связи. Но, было бы упрощением приписывать альтруистическую мотивацию деятельности лидеров национально-культурных автономий, образующих АНКО РТ. Например, история возникновения НКА узбеков наводит на мысль о том, что этот институт выполняет функцию символического капитала для ее лидеров и активистов. Биография председателя свидетельствует о том, что поначалу он был простым предпринимателем, тщетно пытавшимся мобилизовать земляков для защиты прав и решения возникающих проблем. Но активность, целеустремленность, умелый PR и благоприятный случай способствовали взлету его социального статуса. Тем не менее стремление реализовать личные цели и амбиции в рамках созданного им института накладывают на него, так же как и на других активистов, институциональные обязательства, которые невозможно игнорировать. Связь и работа с приезжающими в республику мигрантами, решение проблем их адаптации является одним из них. Зачастую именно сотрудникам НКА при Доме дружбы народов приходится нести издержки в связи с несовершенством законодательных процедур регистрации¹. Беседы, проведенные с лидерами автономий и простыми трудовыми мигрантами, свидетельствуют, что практики взаимодействия с милицией и Федеральной миграционной службой в Казани имеют различия, связанные с уровнем взаимодействующих сторон.

¹ Так заместитель председателя НКА узбеков был вынужден в течение трех месяцев содержать за счет НКА 12 рабочих, которым регистрационные органы задерживали выдачу разрешения на работу, а они в связи с этим не могли получить заработанных денег.

Во-первых, на самом верхнем уровне действует Координационный Совет, который характеризуется достаточно отлаженными механизмами в решении вопросов, касающихся регулирования миграции, причем представители национально-культурных автономий отмечают положительную динамику в практике совместной работы с государственными институтами. Во-вторых, на среднем уровне, когда лидеры и активисты общин контактируют с чиновниками и офицерами милиции среднего звена. Это взаимодействие оценивается как частично эффективное, поскольку, с одной стороны, налажены каналы реагирования на вопросы, письма, обращения мигрантов, но с другой – реакция зачастую оказывается формальной, не решающей проблемы, или приходится сталкиваться с грубостью. Наконец, на нижнем уровне отмечаются практики взаимодействия рядового состава МВД с мигрантами. Здесь действуют разные сценарии: нейтральный – осуществляется проверка документов в соответствии с официально установленным регламентом; взаимовыгодное взаимодействие – чаще всего, с мигрантами, проживающими в границах участка, находящегося в ведении участкового; пренебрежительно-уничижительное отношение к мигрантам как гражданам второго сорта.

Правовая помощь мигрантам

Судя по свидетельствам интервьюируемых, возможность защитить свои права при общении с милицией зависит от разных факторов. Мы выделили три таких фактора: во-первых, степень включенности мигранта в сети отношений и связей, выстроенных национально-культурной автономией. В этом случае существует возможность обратиться к официальной организации, которая способна как-то помочь. Во-вторых, – организованное устройство на работу либо в организацию, с которой официально взаимодействует НКА, либо к «хозяину» – заказчику, который берет на себя урегулирование вопросов трудоустройства и регистрации. В обоих случаях – степень защищенности мигранта выше. И, в-третьих, – приезд к родственникам, знакомым, не встроенным в этнические сети. Приехавшие «дикарем» (скорее всего таких мало – судя по интервью, едут к своим, или же по наводке) – самая незащищенная категория перед МВД и миграционной службой.

Наше исследование показало, что приехавшие в Казань, так же как и петербургские мигранты, практически не обращаются за помощью в правозащитные организации. Так, по словам Председателя Казанского правозащитного центра И. Шолохова, за все годы их работы не было случая обращения с жалобами по нарушению гражданских прав со стороны мигрантов. По словам лидеров НКА, защитой прав приезжающих мигрантов занимается АНКО Республики Татарстан. Лидеры и активисты национально-культурных автономий выступают посредниками, участ-

вуют в следственных и судебных действиях, выступают в качестве переводчиков на судебных разбирательствах, а зампреда азербайджанской автономии по профессии юрист и занимается правовой защитой приезжих азербайджанцев. Беседы с мигрантами, с лидерами общин и юристами дали возможность выявить три стратегии защиты прав приезжающих. Первая – в АНКО РТ работают свои адвокаты, к которым могут обратиться мигранты. Вторая – конфликтные ситуации регулируются внутри общины (стратегия «не выносить мусор из избы»). Например, в рамках НКА узбеков сложились свои внутренние принципы решения конфликтных ситуаций между узбеками, включенными в общинные сети. Как объяснил Председатель Автономии, он сам выполняет функцию неформального судьи. Третья – мигранты предпринимают попытки самостоятельно найти общий язык с милиционерами, сотрудниками ФМС, обеспечить долговременные связи при помощи взяток и услуг.

В Доме дружбы народов развит институт волонтерства, активно проявляющий себя в социальных акциях. Активисты из числа мигрантов оказывают помощь пострадавшим и осужденным. Лидеры и рядовые члены общин посещают специальный приемник-распределитель УВД Казани, где содержатся граждане, подлежащие выдворению с территории РФ, оказывают материальную помощь нуждающимся, передают продовольствие и одежду. Национально-культурные автономии оплачивает доставку погибших или умерших мигрантов на родину.

Сюжеты, описанные мигрантами в интервью, свидетельствуют о том, что лидеры общины используют все имеющиеся ресурсы для улаживания возникающих конфликтов: как официальные каналы связи с милицией, налоговой инспекцией и ФМС, так и теневые, неформальные связи. Однако приведенные примеры и свидетельства рядовых мигрантов самих лидеров общин подводят к выводу об отсутствии эффективных стабильных механизмов разрешения конфликтных ситуаций правовым путем посредством привлечения государственных институтов. Для защиты прав мигрантов, как правило, используется стратегия личного вмешательства лидеров общин для улаживания конфликта, который, в таком случае, завершается в пользу притесняемого мигранта. Но очевидно, что объективно лидер общины и его помощники не способны включиться в разрешение всех конфликтных ситуаций, происходящих между милицией и приезжающими мигрантами.

Миграционные истории узбекской и азербайджанской общин

Стремление выявить скрытые факторы, способные оказывать влияние на режим взаимодействия этнических общин и милиции, а также попытка рассмотреть отличительность названных выше групп стимулиру-

ровали нас обратить внимание на региональные истории миграции изучаемых нами общин.

Таблица 1

Иностранные граждане, состоящие на миграционном учете в Федеральной миграционной службе РФ по Республике Татарстан (данные аналитического отдела УФМС РФ по РТ, 2009)

<i>Граждане стран СНГ</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>
Азербайджан	8 449	11 185	11 660	13 901
Узбекистан	30 515	33 802	33 409	41 203
Всего иностранных граждан в РТ	74 394	90 792	109 670	141 264

Официально и азербайджанская, и узбекская общины в качестве национально-культурных автономий были учреждены в конце 1990-х – начале 2000-х годов ¹. Однако предыстории их появления разные. Азербайджанская автономия «выросла» из землячества выходцев из этой кавказской республики, интегрированных в местное сообщество (студенты и аспиранты высших учебных заведений, которые остались в республике на постоянное жительство). Узбекская Автономия создавалась усилиями приехавшего в Казань социально активного мигранта, собравшего вокруг себя приезжих мигрантов-узбеков последней волны ².

Результаты переписи 2002 года свидетельствуют о том, что доля граждан РФ азербайджанского происхождения в два раза превышает численность граждан РФ узбекского происхождения: 9 987 человек (0,3 % всего населения республики) и 4 852 человек (0,12 % всего населения республики) [Особенности... 2008. С. 26]. Большая степень укорененности азербайджанцев в институтах принимающего общества существенно влияет на практики взаимодействия мигрантов-азербайджанцев с милицией. Данные наших наблюдений позволяют говорить об эффективности этнической сети.

Узбекскую общину отличает ее «молодость», отсутствие социальной базы – натурализовавшихся представителей первых волн миграции. Миграция узбеков в советское время характеризовалась челночным режимом, то есть приезжавшие в тот период узбеки редко оседали в республике, не образовывали землячеств. Если они и вступали в браки с тата-

¹ Национально-культурная автономия азербайджанцев РТ была учреждена в 1998 года.

² История возникновения Национально-культурной автономии узбеков РТ (образована в 2000 года, а зарегистрирована в марте 2001 года) свидетельствует о решающей роли патерналистских отношений в республике. Активность лидера общины и сетевой ресурс привели к результату только после удачного стечения обстоятельств, когда во время праздника его группа была замечена президентом Татарстана М. Шаймиевым.

рами, то чаще растворялись среди местного населения, благодаря языковой и конфессиональной близости с «коренным» населением Татарии.

Сегодня сети «узбеков» также строятся на родственно-соседских связях, однако их сравнительная «молодость» формирует среди выходцев из Узбекистана слабо иерархизированную структуру местной общины. В узбекской «диаспоре» сложилась своя система внутренних связей. Основными посредниками между администрацией автономии и простыми мигрантами являются старосты. По словам председателя НКА узбеков, старост выбирают сами мигранты от своих землячеств. Инициировал такую структуру председатель НКА, используя имеющийся у него управленческий опыт. Примечательно, что на уровне этого управленческого звена воспроизводятся мусульманские традиции – у мужчин и у женщин свои старосты. Нужно отметить, что результаты коротких опросов узбеков на нескольких рынках Казани, проведенных автором статьи, подтвердили эффективность этих сетей – большинство информантов знают лидера автономии. Однако есть и те, кто, приезжая по личным связям к родственникам, занимаются мелкими услугами (уличный ремонт обуви, небольшие уличные лотки с ширпотребом) и не включены в широкую этническую сеть. Представители этой категории мигрантов из Узбекистана часто не знают лидеров общины.

Другой канал коммуникации – информационный. Местное телевидение транслирует передачи о жизни Ассоциации национально-культурных обществ РТ, о ее активистах. Судя по рассказу одной из опрошенных узбечек, она узнала об автономии узбеков из телепередачи и занялась поисками ее председателя. Впоследствии стала активисткой организации.

Лидеры обеих НКА подчеркивают свою лояльность властям Татарстана, стараются вписаться в местный контекст: принимают участие во всех городских и республиканских мероприятиях, популяризируют свою культуру, выполняют функцию народной дипломатии в налаживании связей между Татарстаном и своими республиками, занимаются благотворительной деятельностью. Такая деятельность ведется автономиями практически всех этнических общин в Татарстане. Судя по планам, декларируемым руководством узбекской общины, они стремятся к долговременному сотрудничеству с местными институтами государственной власти. В их планах попросить у президента республики и городской администрации земельный участок для строительства домов и всей необходимой инфраструктуры для приезжающих узбеков, по подобию махали. Незрелость неформальной сети в местном сообществе стимулирует лидеров НКА узбеков чаще прибегать к легитимным процедурам при разрешении возникающих проблем. Защищая интересы мигрантов, они подчеркивают правозащитную функцию своей организации и деятельность в сфере социальной политики.

Применяемые нами качественные методы исследования позволили рассмотреть скрытую сторону взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом, властными структурами и милицией; понять установки названных групп по отношению друг к другу, так же как и роль внешних факторов, участвующих в формировании практик их взаимодействия. Результаты нашего исследования продемонстрировали эффективность и востребованность ресурса солидарности. Мигранты – уязвимая социальная группа, права которой нарушаются чаще всего – вынуждены активно использовать этнические, родственные, соседские сети для выживания в новой для них среде. Вполне закономерно, что эти сети в условиях несовершенства правового поля выполняют компенсаторную функцию. О недостатках социальной политики по отношению к мигрантам говорил Председатель АНКО РТ: *«Я сказал бы – это государство должно делать, власти. Не я должен за них думать, пусть они думают. Есть проблема – решай проблему»* (Интервью 1, апрель 2007).

* * *

Современная ситуация, в которой взаимодействуют мигранты и милиция, характеризуется противоречивыми и неоднозначными тенденциями. Ее можно назвать гибридной, поскольку поле практик сочетает инерцию советского прошлого, элементы рынка, в котором пока отсутствуют непротиворечивые и стабильные правила игры; элементы западной демократической культуры; новые постсоветские формы государственной централизации.

Так, с одной стороны, наше исследование показало, что социальные институты, созданные по старому лекалу, под давлением внешних обстоятельств, вызовов времени имеют тенденцию трансформироваться и обретать новые, глобализационные черты. Так ДДН РТ сочетает в себе как элементы советской системы, так и новые, формируемые условиями рыночной экономики, процессами миграции и влиянием глобализационных институтов. Примечательно и то, что черты гибридности несут в себе все его аспекты. Если говорить о структуре, то Дом дружбы народов и Ассоциация национально-культурных обществ имеют статус государственного учреждения, но объединяют под своей крышей общественные организации в форме национально-культурных автономий. Само существование и деятельность Дома дружбы народов и его подразделений определяется дискурсом, носящим гибридный характер: дискурс советского интернационализма и дискурс правового гражданского общества. Гибридный характер носят и существующие в этой организации практики, сочетающие официальные практики советской партийной бюрократии, сетевое взаимодействие и теневые практики.

Кейс с ДДН демонстрирует то, как под влиянием сложной социальной конъюнктуры взаимодействуют публичное и приватное простран-

ства мигрантских сообществ. Нахлынувшие миграционные потоки изменили региональный ландшафт, и отвечать на вызовы времени приходится, в том числе, и этому институту. АНКО приходится брать на себя функции по реализации социальной политики в мигрантском сообществе. Теперь наряду с показательными днями культуры этнических сообществ, в республике ведется многосторонняя работа с приезжающими. Исследование показало, что большой пласт социальных проблем, с которыми сталкиваются мигранты, государственные органы если и решают, то очень ограниченно. В подобной ситуации компенсаторную функцию в сфере социальной политики выполняет названный институт. Новая роль посредника между приезжими и принимающим сообществом заставляет администрацию Дома дружбы и лидеров Ассоциации обращаться к опыту развитого в западной демократии институту посредничества, новым формам взаимодействия в сложных ситуациях. Хотя при этом, как уже отмечалось выше, используется весь возможный арсенал средств: от легитимных до неформальных и теневых. В деятельности ДДН сохраняются практики, характерные для советской эпохи, где большую роль играют такие факторы, как клиентелизм, поддержание лояльности к вышестоящему лицу, значимость показательных мероприятий. Но, наряду с этим, осуществляются функции общественных организаций и бизнес-предприятий, которые помогают решать проблемы мигрантов на рынке труда и отстаивать их гражданские права, используя в качестве ресурса налаженные каналы публичного и частного пространств.

Список интервью

Интервью 1. Председатель Правления Ассоциации национальных объединений РТ, 62 года

Интервью 2. Председатель Совета НКА узбеков РТ, 50 лет, предприниматель.

Список литературы

Ассамблея народов Татарстана // <http://www.an-tat.ru/?id=3>.

Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 61–72.

Гофман А. Б. От какого наследства мы отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // *Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики* / под ред. А. Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2008.

Корнеева А. Формы капиталов в профессиональной деятельности адвокатов // *Антропология профессий* / под ред. П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирно-

вой. Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований: Изд-во «Научная книга», 2005.

Ковач Я. М. Конкурирующие соблазны и пассивное сопротивление // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.

Милиционеры и этнические меньшинства: практики взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге, 2006–2008 гг. / Коллективная монография: В. Воронков, Б. Гладарев, О. Максимова, П. Мейлахс, Л. Сагитова, Е. Ходжаева и Ж. Цинман. СПб.: Алетейя, 2011. *В печати.*

Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в Республике Татарстан. Казань: Институт Истории АН РТ, 2008.

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32.

Роскин В. «Толерантность – это терпимость, понимание, доверие и взаимодействие» // ИА «Татар-информ», 14 ноября 2007 г. // <http://www.tatar.ru/>.

Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008.

Brubaker R. Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: An institutionalist account // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. № 1. P. 47–78.

Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Supplement.

Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. L.: Routledge. 1972.

Laclau E. and Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. L.: Verso. 1985.

Лилия Варисовна Сагитова

канд. ист. наук, доцент, директор АНО «Институт социальных исследований
и гражданских инициатив»,

ст. науч. сотр. Института Истории им. Ш. Марджани АН РТ

электронная почта liliya_sagitova@mail.ru
